

Стерхов Д. В.
D. V. Sterkhov

**1806 – 1809 – 1813/15. НЕМЕЦКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА: К ВОПРОСУ
О ТЕРМИНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ**

**1806 – 1809 – 1813/15. GERMAN LIBERATION WAR: ON THE QUESTION
OF TERMINOLOGY AND PERIODIZATION**

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова (Россия, Москва); 117997, г. Москва, ул. Островитянова, 1; тел. 8(495)434-31-74. E-mail: rsmu@rsmu.ru.

Mr. Dmitry V. Sterkhov – PhD in History, Associate Professor, Department of History of Medicine and Humanitarian Studies, Russian National Research Medical University named after N. I. Pirogov (Russia, Moscow); 117997, Moscow, 1 Ostrovitianov str.; tel. 8(495)434-31-74. E-mail: rsmu@rsmu.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции термина «Освободительные войны» в немецкой историографии XIX – начала XXI вв. Отмечается тот факт, что историческая наука XIX в. вкладывала в это понятие двойной смысл: национально-освободительный и социально-политический. Автор констатирует, что традиционное представление о немецких освободительных войнах и соответствующем им периоде 1806/13 – 1815 гг. окончательно укореняется накануне Первой мировой войны. Начиная с 1970-х гг. в историографии ФРГ представление о немецкой национально-освободительной войне постепенно подвергается определённой корректировке, современные же историки предпочитают избегать термина «Освободительные войны» ввиду его неоднозначности. Региональная специфика и социально-политические особенности тех или иных германских территорий не позволяют определять период 1806 – 1815 гг. исключительно с позиций немецкого национализма и народной освободительной войны.

Summary. The article analyses the evolution of the term «Liberation Wars» in the German historiography of the 19th – early 21st centuries. It points to the fact that the German historians of the 19th century who elaborated on the concept of the Wars of Liberation treated this event both from national and social points of view. The author notes that the conventional understanding of the German Liberation Wars and their traditional chronology (1806/13 – 1815) became an integral part of the historical research only on the eve of the World War I. Since 1970s, this traditional conception has been largely revisited by the (West) German historians, most of them trying to avoid the term «Liberation Wars» due to its ambivalence and obscurity. Regional differences and specific aspects of social and political situation in separate German territories do not allow us to define the period of 1806 – 1815 strictly in terms of German nationalism and national Liberation War.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, Освободительные войны, Пруссия, Гогенцоллерны, Германия, историография, Рейнский Союз, война Шестой коалиции, Габсбурги, битва под Лейпцигом.

Key words: Napoleonic Wars, Liberation Wars, Prussia, House of Hohenzollern, Germany, historiography, Confederation of the Rhine, War of the Sixth Coalition, House of Habsburg, Battle of Leipzig.

УДК 94(430).06

Освободительная война против наполеоновского господства в Германии является одной из самых излюбленных тем немецкой историографии и по праву считается «ключевым событием современной немецкой национальной истории» [8, 71]. Первые попытки исторически осмыслить это событие предпринимались ещё на последних этапах Освободительной войны [16], поток исторических работ, посвящённых этой тематике, неуклонно рос после 1815 г. и достиг пика на рубеже XIX – XX вв. После Второй мировой войны освободительные войны оставались в центре пристального внимания историков ГДР, в то время как для западногерманской исторической науки этот вопрос на некоторое время потерял актуальность. Лишь начиная со второй половины 1970-х гг. можно наблюдать возрождение интереса к освободительным войнам в историографии ФРГ, и этот

интерес сохраняется до сих пор, о чём свидетельствует большое количество ежегодно выходящих статей и монографий по периоду 1806 – 1815 гг.

Несмотря на столь долгую традицию изучения проблемы в историографии до сегодняшнего дня не существует единства мнений относительно того, что именно следует называть освободительными войнами и применительно к какому периоду использовать это понятие. Стоит отметить, что современники Наполеоновских войн не определяли их как «освободительные», само это понятие крайне редко встречается в исторических трудах 1820 – 1830-х гг. Исследователи, преимущественно военные историки, говорили о «войне французов против России, Пруссии и Австрии» [2], «войне союзников против Франции» [34], о «войне в Германии и Франции» [33] или просто о «походах против Наполеона» [42].

Лишь начиная с 1840-х гг. период 1806/13 – 1815 гг. получает своё конкретное наименование, при этом начинают использоваться два термина: 1) «Freiheitskriege» («Войны за свободу»), 2) «Befreiungskriege» («Освободительные войны»). Первый термин связан с трудами историков национально-либерального направления, в первую очередь здесь необходимо упомянуть Иоганна Густава Дройзена, чьи «Лекции по Освободительным войнам», опубликованные в Киле в 1846 г., во многом заложили основы современного понимания немецкой истории начала XIX в. Дройзен считается одним из авторов популярной вплоть до середины XX в. теории о «немецкой миссии Пруссии», суть которой заключалась в том, что освобождение немецких государств от наполеоновского господства стало возможным благодаря усилиям прусского королевства, которое в связи с решающим вкладом в победу над Францией имеет право претендовать на лидирующие позиции в Германии [10, 592 – 593]. Термин «Freiheitskriege», который Дройзен применяет к периоду 1808 – 1815 гг., имел двоякое значение. С одной стороны, речь шла о национально-освободительной борьбе европейских народов (испанцев, русских, немцев, итальянцев) против французской гегемонии. С другой стороны, идея национальной независимости была тесно связана с «внутренней» свободой, либеральными правами, конституционализмом и народным представительством. В трактовке Дройзена главным участником антинаполеоновской борьбы были не князья, короли и императоры, а народ. Историк сожалел по поводу того, что на смену либеральным реформам и национальному подъёму в Пруссии после 1815 г. пришли политическая реакция и полицейское государство [10, 725]. Подобная трактовка была характерной и для многих других национально-либеральных историков [3; 17].

Термин «Befreiungskriege» использовался преимущественно историками консервативного направления, которые также видели в войнах против Наполеона одновременно прусское и общенемецкое национальное событие, однако утверждали, что немецкий народ действовал в согласии с правителями. Резкие противоречия между народными массами и правящими элитами отрицались, борьба за конституционные права и свободы в рамках подобной трактовки уходила далеко на второй план. Наиболее видным представителем консервативного направления был Генрих фон Трейчке, который негативно оценивал итоги освободительных войн, полагая, что их главная задача – создание единого национального немецкого государства – так и не была решена. Вину за крушение надежд немецкого народа Трейчке возлагал на союзников Пруссии, в первую очередь на Австрию [44, 792 – 794]. Вопрос о борьбе народа против тирании германских князей и правителей историками консервативной школы не поднимался.

После объединения Германии в 1871 г. национально-либеральное и консервативное направления постепенно объединились в одно, так называемое боруссианско-малогерманское [1, 286]. В рамках данного подхода социально-политический вопрос потерял свою актуальность, а освободительные войны трактовались как борьба немецкого народа во главе с Пруссией против иноземного господства за создание национального государства. Такие события, как победоносное завершение франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. и образование Германской империи, казалось бы, подтверждали тезис историков середины XIX в. о «немецкой миссии Пруссии». Этот подход стал доминирующим в немецкой историографии рубежа XIX – XX вв. Стоит отметить тот факт, что в этот период в исторических и научно-популярных трудах гораздо реже стал употребляться термин «Freiheitskriege», понятие «Befreiungskriege» практически полностью вытесняет его. Именно опре-

делением «Befreiungskriege» пользуются наиболее значимые историки и публицисты начала XX в. [7; 9; 31; 35; 45]. Монументальное издание по истории прусской армии, изданное в 1914 г. историческим отделением Германского генерального штаба, также оперировало понятием «Befreiungskriege» [15]. При этом термин «Освободительная война» обычно применялся к периоду 1813 – 1815 гг. или в более широком смысле к периоду 1806 – 1815 гг., хотя зачастую могли употребляться и другие определения, к примеру «время французов» [40]. Таким образом, можно констатировать, что к началу Первой мировой войны в немецкой исторической литературе утвердилось обозначение периода 1806/1813 – 1815 гг. понятием «Befreiungskriege» («Освободительные войны»). Термин «Freiheitskriege» в его изначальном понимании употреблялся всё реже и, что удивительно, не был заимствован марксистской историографией ГДР. Восточногерманские историки восприняли определение «Befreiungskrieg», которое иногда модифицировалось в «Befreiungskampf» («Освободительная борьба») [21; 27; 43] и носило двоякий смысл: национально-политический (свержение иноземного господства, достижение национальной независимости) и социально-экономический (крушение феодальных порядков, отмена крепостного права, предоставление политических прав и свобод широким слоям населения). Временной отрезок классически определялся как 1806/1813 – 1815 гг. либо в общеевропейском масштабе – 1808 – 1815 гг. [22].

Совсем иные процессы имели место в историографии ФРГ, где начиная с 1970-х гг. вновь начал расти интерес к проблематике освободительных войн. Следствием разнообразия методологий и подходов в западногерманской исторической науке стало постепенное размывание понятия «Befreiungskriege», которое практически полностью перестало применяться к периоду до 1812 г. и понималось только в узком смысле. Однако и здесь единства мнений среди исследователей не было. Одни авторы обозначали в качестве «Освободительной борьбы» 1812 – 1815 гг. [24; 47], другие ограничивали этот промежуток только 1813 – 1815 гг. [6; 14]. Частично возродился термин «Freiheitskriege», в частности Хельмут Бердинг использует это определение применительно к 1813 и 1814 гг. [4], Рудольф Иббекен говорит об «освободительном движении 1807 – 1815 гг.» [23], некоторые исследователи (Йорн Леонхард) определяют время наполеоновских войн одновременно как «Freiheitskriege» («Войны за свободу») и «Befreiungskriege» («Освободительные войны») [28]. В то же самое время можно наблюдать тенденцию к избеганию употребления словосочетания «Освободительные войны», немецкие историки предпочитают использовать такие определения, как «время 1806 – 1815 гг.» [30], «наполеоновские годы» [36], «наполеоновское время» [13]. Известная специалистка по истории юга Германии в наполеоновскую эпоху Уте Планерт трактует освободительные войны как политический и исторический миф XIX в. и использует понятие «войны Франции» [32]. Не менее авторитетная исследовательница Карен Хагеманн, автор большого количества статей и монографий по истории Пруссии эпохи реформ, также отказывается от привычного термина «Освободительные войны», предпочитая такие обороты, как «антинаполеоновские войны в Германии» [18], «эпоха антинаполеоновского восстания Пруссии» [19], «войны Пруссии против Наполеона» [20]. Как можно было убедиться, в современной немецкой историографии на данный момент нет консенсуса относительно терминологии и периодизации немецких освободительных войн.

Подобная переоценка событий немецкой истории начала XIX в. стала возможной благодаря введению в научный оборот новых источников, повороту к социальной истории и междисциплинарному подходу, а также постепенному отказу немецкой историографии от традиционного «пруссцентризма». Признавая важность 1806 г. в контексте общеевропейской истории, многие современные авторы не всегда рассматривают эту дату как начало современного немецкого национализма или тот самый момент, когда немецкий народ начал борьбу за свою национальную независимость [38, 120 – 122]. Распад Священной Римской империи не являлся концом немецкой государственности, на её смену пришёл созданный под эгидой Наполеона Рейнский Союз, объединивший в своих границах так называемую «Третью Германию», т.е. все германские территории за исключением Австрии и Пруссии. В контексте пруссоцентризма Рейнский Союз трактовался как «национальный позор» и «одно из самых больных мест» немецкой истории, однако начиная с 1970-х гг., когда стали появляться первые современные работы по данной проблематике, подобные суждения стали подвергаться справедливой критике. На сегодняшний момент в

немецкой историографии существует целое направление под названием «Rheinbundforschung» («Изучение Рейнского союза»), представители которого отмечают тот факт, что оценки современников значительно отличались от более поздних трактовок, а также указывают на такое специфическое явление, как «Rheinbundpatriotismus» («Патриотизм Рейнского союза») [39, 11 – 12]. По этой причине применительно к 1806 г. вряд ли возможно говорить о некоей «освободительной борьбе» немецкого народа в масштабах всей Германии.

В данном контексте уместно задать вопрос: являлась ли война Пруссии против Франции 1806 – 1807 гг. «освободительной» или «национальной»? Ответ скорее будет отрицательным, чем положительным. Во-первых, нужно вспомнить о том, что с 1795 г. Пруссия не воевала с Францией и сохраняла нейтралитет, который, с одной стороны, позволил правительству королевства сконцентрироваться на внутренней политике и польском вопросе, с другой же стороны, подорвал международный авторитет государства и породил обвинения в предательстве общих (немецких и коалиционных) интересов [5, 22]. Выступать от имени всей Германии в 1806 г. Пруссия никак не могла. Более того, против Пруссии в составе наполеоновской армии участвовали контингенты некоторых германских государств, а взятие Берлина Наполеоном было встречено с энтузиазмом на католическом юге Германии, в Вюртемберге и Баварии были организованы праздничные богослужения по данному поводу [32, 541, 557]. Во-вторых, даже в масштабах одной Пруссии война не носила народный, массовый характер. Несмотря на требования многих прусских генералов, в частности Герхарда фон Шарнхорста, мобилизовать широкие массы населения на борьбу с врагом и сделать войну делом всей прусской нации, конфликт протекал как классическая кабинетная война, в которой народу отводилась роль пассивного наблюдателя. Некоторые исследователи связывают тяжёлое поражение Пруссии в войне с тем, что прусскому политическому руководству не удалось добиться поддержки общества, точнее, вопрос о такой поддержке даже не поднимался [26, 16]. Лишь военно-политический кризис 1806 – 1807 гг., поставивший Пруссию на грань уничтожения, заставит прусское правительство задуматься о необходимости перемен в методах ведения войны.

Если в 1806 г. ни в Пруссии, ни во всей Германии не наблюдалось народных освободительных войн, то можно ли считать 1809 г. точкой отсчёта немецкого освободительного движения? Действительно, период 1808 – 1809 гг. стал тем самым временем, когда наполеоновская система подверглась серьёзным испытаниям. Антифранцузское выступление в Испании, восстания барона Вильгельма фон Дёрнберга и майора Фердинанда фон Шилля, операции Чёрного легиона герцога Брауншвейгского и, наконец, австро-французская война 1809 г. – все эти события стали проверкой на прочность наполеоновского господства в Германии и в Европе. Однако и в этом вопросе дать однозначный ответ достаточно сложно. Во-первых, трактовки очевидцев событий значительно отличались от более поздних оценок. В частности, восставшие тирольцы отнюдь не воспринимались как национальные герои, для современников они выступали в качестве мародёров, ведущих нелегитимную борьбу, и презрительно именовались «инсургентами». Стоит отметить, что и восстание в Испании не всегда служило примером того, как немцы должны сражаться с наполеоновскими войсками. Для многих образованных людей испанцы являлись варварами и религиозными фанатиками, неспособными вести цивилизованную войну. Испанская герилья представлялась как жестокая и нелегитимная война, подогреваемая католическими монахами и имеющая в своей основе не национальные мотивы, а религиозный фанатизм [32, 569 – 570]. Народная война по тирольскому или испанскому образцу явно не соответствовала культурному уровню немцев.

Второй, не менее важный момент: ни в Пруссии, ни в других германских государствах отдельные повстанческие акции не находили должного отклика, население относилось к подобным выступлениям достаточно равнодушно. Особенно это касается восстания под предводительством майора Фердинанда фон Шилля, который в ходе XIX в. превратился в самого настоящего немецкого национального героя. Возможно, что инициатива фон Шилля и вызывала сочувствие со стороны отдельных слоёв общества, однако в массовую народную войну против французского господства этот мятеж так и не перерос, жители Пруссии и соседнего королевства Вестфалии, уставшие от конфликтов, предпочитали сохранять спокойствие и не участвовать в каких-либо военных мероприятиях [29, 146]. Действия герцога Брауншвейгского, Вильгельма фон Дёрнберга и некото-

рых других руководителей восстаний также не нашли широкой народной поддержки. Началом немецкого национального подъёма против Наполеона 1809 г. не стал.

В-третьих, война между Австрией и Францией носила лишь некоторые черты «народной войны», в частности, за мобилизацию населения на защиту страны выступали австрийский министр иностранных дел Иоганн Филипп фон Штадион и эрцгерцог Карл Тешенский. В 1808 г. в Австрии была введена всеобщая воинская повинность, стали создаваться первые добровольческие батальоны, был запущен пропагандистский механизм для привлечения населения к войне. Но всё же организовать народную партизанскую войну по примеру Испании в Австрии так и не удалось. Также, как отмечают некоторые авторы, в частности Йорг Эхтернкамп, австрийская военная пропаганда носила не общенациональный, а, скорее, локально-патриотический характер. Мобилизация проходила под лозунгом «Австрия превыше всего», к немецкоязычным подданным австрийского императора обращались в первую очередь как к австрийцам и лишь во вторую, а то и в третью очередь как к немцам. К тому же австрийская пропаганда носила весьма ограниченный характер, её целевой аудиторией были не все немцы, а лишь те, кто проживал на территории Австрии [11, 196 – 198]. Как бы то ни было, массовых народных движений в ходе войны 1809 г. не наблюдалось, конфликт опять же проходил, скорее, как кабинетная война, а после очередного поражения Австрии патриотическая пропаганда практически полностью сошла на нет.

Промежуток между 1813 и 1815 гг. («Освободительные войны» в узком смысле) можно разделить на пять этапов. Основное содержание первого, подготовительного этапа (декабрь 1812 – март 1813 гг.) сводится к формированию очередной Шестой антифранцузской коалиции, основой которой стал военный альянс Пруссии и России. Второй этап охватывает события так называемой Весенней военной кампании 1813 г., которая условно начинается с объявления Пруссией войны Франции (17 марта 1813 г.) и заканчивается заключением Плесвицкого перемирия между Наполеоном и его противниками (4 июня 1813 г.). После Весенней кампании последовала так называемая Осенняя военная кампания августа – декабря 1813 г., наивысшей точкой которой стала знаменитая битва народов под Лейпцигом (16 – 19 октября 1813 г.). Началом четвёртого периода можно считать вторжение союзных войск во Францию в начале января 1814 г., а окончанием стало взятие Парижа 31 марта и отречение Бонапарта 6 апреля 1814 г. Знаменитые «Сто дней» Наполеона (март – июнь 1815 г.) можно выделить в заключительный, пятый этап.

Можем ли мы на каком-либо из упомянутых выше этапов наблюдать народную общенемецкую освободительную войну? В этой связи стоит обратить внимание на несколько важных моментов. Во-первых, необходимо отметить, что до июля – августа 1813 г. единственными германскими государствами, воюющими против наполеоновской Франции, являлись Пруссия и Мекленбург-Шверин, накануне Осенней военной кампании к союзникам присоединилась Австрия. Остальные немецкие территории продолжали оставаться союзниками французского императора и даже поставляли ему войска для ведения войны с армиями Шестой коалиции. Тем самым вплоть до Лейпцигского сражения немцы вновь воевали против немцев, французы не выступали общенемецким национальным врагом. Национальная пропаганда, которая зимой – весной 1813 г. исходила от союзников, в первую очередь от Пруссии и России, оказалась недостаточно эффективной, ни один немецкий правитель так и не решился перейти на сторону антифранцузской коалиции [11, 218]. Государства – члены Рейнского Союза практически до самого конца сохраняли верность императору Франции, лишь накануне Битвы народов король Баварии Максимилиан I Иосиф принял «правильное» решение и перешёл в противоположный лагерь (Ридский договор от 8 октября 1813 г.). Остальные немецкие правители отпали от Франции во время или уже после битвы под Лейпцигом (Баден, Вюртемберг, Гессен), при этом больше всего не повезло Саксонии, чей король попал в плен к союзникам, а территория королевства была сначала оккупирована российскими, а затем прусскими войсками. Возможно, для Пруссии 1813 г. и стал годом «освободительной» войны против французской гегемонии, но практически вся остальная Германия вплоть до конца года воевала на стороне Наполеона, и лишь его сокрушительное поражение способствовало распаду Рейнского Союза и переходу его членов на сторону коалиции. Освободительной войны в общенемецком масштабе так и не случилось.

Третий момент: носила ли военная мобилизация в Пруссии весны – лета 1813 г. народный, массовый характер? Историография ГДР трактовала события первых двух этапов Освободительной войны именно в этом ключе. Создание таких учреждений, как Ландвер и Ландштурм, представлялись как пример народной войны за свободу Отечества [37, 13]. В то же самое время в исторической науке ФРГ сложилось несколько иное видение проблемы. Безусловно, прусское правительство поощряло добровольческое антинаполеоновское движение. Этой цели служила не только мощная патриотическая пропаганда, которая в 1813 – 1814 гг. достигла непревзойдённых до этого масштабов, но и законодательная база, в частности указ о создании добровольческих егерских пехотных и кавалерийских отрядов с правом выбора воинского формирования, возможностью быть избранным на офицерскую должность и обещанием определённых социальных привилегий по окончании военной службы (3 февраля 1813 г.). Однако в то же самое время прусское политическое руководство прибегало и к принудительным мерам, не полагаясь лишь на приток добровольцев. Уже через шесть дней после упомянутого выше указа было издано постановление об отмене освобождения от воинской обязанности для широких слоёв населения (9 февраля 1813 г.). Фактически в Пруссии вводилась всеобщая воинская повинность. 17 марта 1813 г. была учреждена национальная милиция – Ландвер, в котором должны были служить все лица мужского пола от 17 до 40 лет, набор осуществлялся как на добровольной основе, так и по жребию. Исследования последних лет, в частности работы Уте Фреверт, показывают, что население Пруссии не испытывало особого энтузиазма по поводу военной службы и не стремилось записываться в армию, по этой причине прусскому правительству зачастую приходилось прибегать к карательным мерам, как это было, к примеру, в Западной Пруссии, Силезии или Вестфалии [12, 39 – 40]. Массовые дезертирства или активные протесты против принудительного призыва являлись обычным явлением, по этой причине ещё Рудольф Иббекен высказывал сомнения относительно добровольческого характера прусской военной мобилизации 1813 г. и говорил о «принудительном Ландвере» [23, 398].

Неоднозначной будет ситуация и с Ландштурмом, эдикт о создании которого был подписан прусским королём 21 апреля 1813 г. Изначально идея Ландштурма была тесно связана с концепцией тотальной народной войны, над которой в 1807 – 1811 гг. работали такие выдающиеся прусские генералы, как Герхард фон Шарнхорст, Герман фон Бойен и Карл фон Грольман. В ряды Ландштурма в обязательном порядке записывались все мужчины от 17 до 60 лет, к его деятельности также привлекались женщины и дети. Военные реформаторы предполагали сделать Ландштурм орудием экзистенциальной войны прусской нации, сражающейся за своё существование, по этой причине методы ведения военных действий должны были соответствовать испанской герилье или тактике русских партизан. Однако идея всеобщего вооружения прусского народа осталась только на бумаге. В июле 1813 г. прусский король лишил Ландштурм всякой самостоятельности и объявил его резервом для Ландвера. Идея инициируемой государством всенародной тотальной войны в Пруссии так и не была реализована [46, 299]. Своих вооружённых подданных прусская политическая элита боялась больше, чем внешних врагов. Народной войны в Пруссии так и не случилось.

Многие исследователи сходятся во мнении относительно того, что с присоединением Австрии к Шестой коалиции борьба союзников с Наполеоном значительно утратила свой «национально-освободительный» характер и вернулась в лоно традиционных для XVIII в. кабинетных войн за баланс сил в Европе [26, 127]. Действительно, вступление Австрии в войну было хорошо продуманным и тщательно взвешенным решением, при этом руководитель австрийской внешней политики Клеменс фон Меттерних исходил не из национальных установок, а из государственных интересов Австрии, которые заключались в укреплении позиции страны в Центральной Европе, в Италии и на Балканах. Не меньшую роль играли и идеи реставрации дореволюционного порядка в Европе [41, 59 – 60]. Как ни парадоксально, но гарантия территориального суверенитета Баварии, Вюртемберга, Бадена и некоторых других германских государств Юга и Запада Германии в обмен на их присоединение к коалиции тоже может рассматриваться в этом же ключе: немецкое национальное государство не являлось целью борьбы против наполеоновской Франции, на первом месте стояли геополитические, а не национальные интересы. Фактически даже Весенняя военная кампания 1813 г., объединившая Россию, Пруссию, Мекленбург и Швецию, не велась во имя народов и наций. Было бы большим заблуждением считать, что причиной падения Наполеона стали массо-

вые народные восстания европейских народов. Битва под Лейпцигом была результатом не народной борьбы и массовой национальной пропаганды, а итогом проводимых государствами-союзниками военных и дипломатических приготовлений, разрабатываемых ими тактических операций, делом регулярных армий, а не добровольческих формирований. Заключительные этапы «Освободительных войн» тем более не могут рассматриваться с национально-освободительных позиций, судьбы народов Европы на Венском конгрессе решались без их участия.

Анализ современных подходов к проблеме немецких освободительных войн свидетельствует о том, что под это понятие не подходят такие традиционные трактовки, как борьба немецкого народа за конституционные права и свободы («Freiheitskriege»), равно как и борьба немцев за национальную независимость и за создание единого национального государства («Befreiungskriege»). Зачатки народной войны за освобождение от иноземного господства можно наблюдать лишь в Пруссии зимой – весной 1813 г., но и здесь тотальной войны так и не случилось. В данном случае, скорее, будет уместно пользоваться терминологией, предложенной Карен Хагеманн, и говорить об «антинаполеоновской войне», чем о войне «освободительной». Однако эти понятия будут неприменимы к другим германским государствам – ни к Австрии, для которой ни одна из войн 1805 – 1815 гг. не была в подлинном смысле «освободительной», ни для государств Рейнского союза, которые до последнего сражались на стороне Наполеона, для них период «антинаполеоновской» войны начинается только с октября – ноября 1813 г., да и то не для всех. По этой причине те исследовали, которые специализируются по истории «Третьей Германии», избегают понятия «Освободительная война» и говорят о «наполеоновском времени» или «наполеоновских годах». Тем самым период 1806 – 1815 гг. теряет свою привычную целостность и распадается на множество социальных и политических дискурсов, среди которых национально-освободительный не являлся преобладающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akaltin, F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert / F. Akaltin. – Frankfurt am Main, 1997.
2. Becker, G. W. Der Krieg der Franzosen gegen Rußland, Preußen und Oesterreich, 1813 und 1814 / G. W. Becker. – Leipzig, 1814.
3. Beitzke, H. Geschichte der deutschen Freiheitskriege in den Jahren 1813 – 1815 / H. Beitzke. – Erster Band. – Berlin, 1859.
4. Berding, H. Das geschichtliche Problem der Freiheitskriege 1813 – 1814 / H. Berding // Historismus und moderne Geschichtswissenschaft. Europa zwischen Revolution und Restauration 1797 – 1815. Drittes deutsch-sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland München, 13. – 18. März 1978. Herausgegeben von Karl Otmar Freiherr von Aretin und Gerhard A. Ritter. – Stuttgart, 1987. – P. 201-215.
5. Botzenhart, M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789 – 1847 / M. Botzenhart. – Frankfurt am Main, 1985.
6. Brandt, P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte / P. Brandt // Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hg. von Michael Grüttner, Rüdiger Hachtmann, Heinz-Gerhard Haupt. – Frankfurt-am-Main, 1999. – P. 17-57.
7. Caemmerer, R. von. Die Befreiungskriege 1813 – 1815. Ein strategischer Überblick / R. Caemmerer. – Berlin, 1907.
8. Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770 – 1790 / O. Dann. – München, 1994.
9. Drexl, F. Die Befreiungskriege 1813 – 1815 / F. Drexl. – Regensburg, 1912.
10. Droysen, J. G. Vorlesungen über die Freiheitskriege. Zweiter Theil / J. G. Droysen. – Kiel, 1846.
11. Echternkamp, J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770 – 1840) / J. Echternkamp. – Frankfurt am Main, 1998.
12. Frevert, U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland / U. Frevert. – München, 2001.
13. Gisch, H. Preßfreiheit – Preßfurchheit. Zum Problem der Presseaufsicht in napoleonischer Zeit in Deutschland 1806 – 1818 / H. Gisch // H.-D. Fischer (Hrsg.). Deutsche Kommunikationskontrolle des 15. – 20. Jahrhunderts. – München, 1982. – P. 56-74.
14. Graf, G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813 – 1815 / G. Graf. – Göttingen, 1993.
15. Großer Generalstab Kriegsgeschichtliche Abteilung II (Hg.). Das preußische Heer im Jahre 1813 (Das preußische Heer der Befreiungskriege. Band 2). – Berlin, 1914.
16. Günther, E. A. Geschichte des Kriegs der Russen und Deutschen gegen die Franzosen. Oder: Buonaparte's letzte Feldzüge in den Jahren 1812, 13 und 14 / E. A. Günther. – Eisenberg, 1815.

17. Häusser, L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des Deutschen Bundes / L. Häusser. – Berlin, 1869.
18. Hagemann, K. «Männlicher Muth und teutsche Ehre». Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland / K. Hagemann. – Paderborn u.a., 2000.
19. Hagemann, K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politischen Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805 – 1815 / K. Hagemann // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 22. Jahrgang/Heft 4. – Oktober-Dezember 1996. – Militärgeschichte Heute. – P. 562-591.
20. Hagemann, K. Revisiting Prussia's wars against Napoleon. History, culture, memory / K. Hagemann. – Cambridge, 2015.
21. Helmert, H. Der Befreiungskrieg 1813. Militärischer Verlauf / H. Helmert, H.-J. Uszcek. – Berlin, 1963.
22. Helmert, H. Europäische Befreiungskriege. 1808-1814/15 / H. Helmert, H.-J. Uszcek. – Berlin, 1976.
23. Ibbeken, R. Preußen 1807 – 1813. Staat und Volk als Idee und in Wirklichkeit / R. Ibbeken. – Köln, 1970.
24. Kandil, M. Die deutsche Erhebung 1812 – 1815. Die Befreiungskriege gegen die französische Fremdherrschaft / M. Kandil. – Stegen, 2011.
25. Köpping, R. Sachsen gegen Napoleon: Zur Geschichte der Befreiungskriege, 1813 – 1815 / R. Köpping. – Berlin, 2000.
26. Leggiere, M. V. Napoleon und Berlin. The Franco-Prussian War in North Germany, 1813 / M. V. Leggiere. – Norman, 2002.
27. Lehren des nationalen Befreiungskampfes 1806 bis 1815. – Berlin, 1953.
28. Leonhard, J. Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten. 1750 – 1914 / J. Leonhard. – München, 2008.
29. Münchow-Pohl von, B. Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809 – 1812 / B. von Münchow-Pohl. – Göttingen, 1987.
30. Niedersen, U. (Hrsg.). Sachsen, Preußen und Napoleon. Europa in der Zeit von 1806 – 1815 / U. Niedersen. – Dresden – Torgau, 2013.
31. Pflugk-Harttung, von J. Die Geschichte der Befreiungskriege / J. von Pflugk-Harttung. – Berlin, 1913.
32. Planert, U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792 – 1841 / U. Planert. – Paderborn, 2007.
33. Plotho, von C. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814 / C. von Plotho. – Berlin, 1817.
34. Rau, von K. F. Der Krieg der Verbündeten gegen Frankreich in den Jahren 1813, 1814 und 1815 / K. F. von Rau, E. H. H. von Cronenthal. – Berlin, 1826.
35. Rehtwisch, Th. Deutschlands Befreiungskämpfe 1813-1815. Gedenkschrift zur Jahrhundertfeier der großen Zeit / Th. Rehtwisch. – Leipzig, 1913.
36. Schaal, K. (Bearb.). Hessen im Rheinbund. Die napoleonischen Jahre 1806 – 1813 / K. Schaal. – Darmstadt, 2007.
37. Schmidt, D. Die preußische Landwehr 1813 / D. Schmidt. – Berlin, 1987.
38. Schmidt, G. Deutschland 1806 – staatliche Zäsur und nationale Kontinuität? / G. Schmidt // Klinger A., Hahn H.-W., Schmidt G. (Hg.). Das Jahr 1806 im europäischen Kontext. Balance, Hegemonie und politische Kulturen. – Köln u.a., 2008. – P. 120-142.
39. Schuck, G. Rheinbundpatriotismus und politische Öffentlichkeit zwischen Aufklärung und Frühliberalismus. Kontinuitätsdenken und Diskontinuitätserfahrung in den Staatsrechts- und Verfassungsdebatten der Rheinbundpublizistik / G. Schuck. – Stuttgart, 1994.
40. Schulze, F. (Hrsg.). Franzosenzeit in deutschen Landen 1806 – 1815 / F. Schulze. – Leipzig, 1908. – Bd. 1. 1806 – 1812.
41. Simon, K.-H. Die deutsche Frage vom Reichsende bis zur Reichsgründung (1806 – 1871) / K.-H. Simon. – Tübingen, 2010.
42. Stuhr, P. F. Die drei letzten Feldzüge gegen Napoleon kritisch-historisch dargestellt. Erster Band / P. F. Stuhr. – Lemgo, 1832.
43. Stulz, P. Fremdherrschaft und Befreiungskampf / P. Stulz. – Berlin, 1960.
44. Treitschke, von H. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Erster Teil. Bis zum Zweiten Pariser Frieden / H. von Treitschke. – Leipzig, 1918.
45. Ulmann, H. Geschichte der Befreiungskriege / H. Ulmann. – Oldenburg, 1915.
46. Walter, D. Preußische Heeresreformen 1807 – 1870. Militärische Innovation und der Mythos der «Roonschen Reform» / D. Walter. – Paderborn, 2003.
47. Weber, E. Lyrik der Befreiungskriege (1812 – 1815). Gesellschaftspolitische Meinungs- und Willensbildung durch Literatur / E. Weber. – Stuttgart, 1991.